

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НЕПРИЗНАННЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ¹

Старцев Я. Ю.

кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620099, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, yaroslav.startsev@ui.ranepa.ru

УДК 304.42
ББК 60.8

Целью статьи является проблематизация роли социальных технологий в технологическом развитии с точки зрения его концептуализации органами государственной власти и выявлению основных факторов, препятствующих формированию интегрированного представления о технологическом развитии в современном информационном пространстве.

Методы. Исследование опирается на статистический анализ словоупотребления средствами Национального корпуса русского языка и на интерпретацию положений правовых актов и исследовательских данных, представленных в научной литературе.

Результаты. В качестве результата исследования предложена сравнительная типология технологического знания, сформулированы возможные направления концептуализации социальных технологий как части единого технологического универсума, определены особенности социальных технологий, влияющие на их восприятие массовым сознанием и государством в рамках его управленческой деятельности.

Научная новизна. Новизна исследования заключается в выявлении диспропорций в представлениях о разных видах технологий и в их описании, а также в разработке предложений по формированию единого понимания технологий в рамках государственного управления

Ключевые слова: развитие, государственное управление, социальные технологии, теория развития.

SOCIAL PROCESSING TECHNIQUES AS AN UNACKNOWLEDGED DEVELOPMENT FACTOR

Startsev Ya. Yu.

candidate of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Public Administration Technologies, Institute of Applied Economic Research, Associate Professor at the Department of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620099, Russia, Yekaterinburg, March 8 str., 66, yaroslav.startsev@ui.ranepa.ru

The purpose of the article is to problematize the role of social technologies in technological development from the point of view of its conceptualization by state authorities and to identify the main factors hindering the formation of an integrated understanding of technological development in the modern information space..

Methods. The study is based on a statistical analysis of the use of words by the means of the National Corps of the Russian language and on the interpretation of the provisions of legal acts and research data presented in the scientific literature.

Results. As a result of the study, a comparative typology of technological knowledge was proposed, possible directions for the conceptualization of social technologies as part of a single technological universe were formulated, features

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания РАНХиГС на 2018 г.

of social technologies were identified that affect their perception by the mass consciousness and the state as part of its management activities.

Scientific novelty. The novelty of the research lies in identifying imbalances in the perception of different types of technologies and in their description, as well as in the development of proposals for the formation of a common understanding of technologies within the framework of public administration.

Key words: development, development theory, public policy, social processing techniques.

В современном мире технологии становятся самостоятельным объектом, обособленной сферой жизни, которую рассматривают отдельно от науки, экономики и других традиционно институционализированных видов деятельности, так или иначе породивших феномен технологического бума. Роль технологий как отдельного фактора общественной жизни и основного двигателя происходящих и грядущих социально-экономических, политических, культурных изменений подчёркивают и футурологи, и специалисты по динамике различных сфер общества. Технологическое развитие мыслится как самостоятельный и во многом самоподдерживающийся процесс, строящийся на своей внутренней логике и своих внутренних закономерностях.

Наряду с всё большим количеством академических работ, посвящённых технологиям как специфическому объекту исследования, обособленность и во многом самодостаточность технологического развития (а также технологических новаций, диффузии технологий и т. д.) представляется как очевидная составляющая современной реальности средствами массовой информации, массовой культурой, включая повседне-

ную, такими экономическими институтами как маркетинг и реклама. В свою очередь, концентрируя на себе массовые ожидания технологии порождают всё более распространённые идеологические течения технооптимизма и технопессимизма, в значительной степени структурирующие политические дебаты и государственную политику.

Приведённые ниже графики позволяют оценить масштаб явления через представление частотности употребления слова «технология» в текстах на русском языке в период с 1950 по 2010 гг. (по данным Национального корпуса русского языка).

График на рис. 1 показывает общий всплеск частотности употребления слова «технологии» в 2000-х гг., заметно превышающий по уровню предыдущую волну популярности технологической проблематики в период технооптимизма 1960-х гг. График на рис. 2, где представлены результаты статистического распределения с учётом флексий, демонстрирует, что именно в последние десятилетия речь всё больше идёт не об отдельных технологиях, а о их совокупности, которая явно воспринимается как самостоятельный феномен

именно во множественном числе. Разрыв настолько велик, что заключение справедливо, даже если мы делаем поправку на использование словоформы «технологии» в значении косвенного падежа единственного числа.

Органы государственной власти оказываются во всё большей степени подвержены этому технологическому сдвигу в видении социальной динамики, что проявляется в официальном дискурсе и в таком специфическом его направлении как стратегическое планирование. В частности, в Российской Федерации в последние годы решающая роль технологий (технологического развития, технологических инноваций и пр.) многократно отмечена в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию [2]. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ, принятый в 2014 г., упоминает Стратегию научно-технологического развития в числе основополагающих документов стратегического планирования [3, ст. 18.1]; сама Стратегия, утверждённая полутора годами позже, последовательно раскрывает технократическое видение эволюции российского общества в долгосрочной перспективе [4]. Эстафету подхватывают государственные институты развития, разрабатывая и внедряя технологическое видение развития, будь то Национальная технологическая инициатива, проекты развития информационного общества или инновационного развития. Само по себе понятие «инновации» в рамках стратегического планирования и прогнозирования трактуется преимущественно, если не исключительно, в технологическом ключе. В конеч-

ном счёте, будущее страны связывается с развитием технологий.

Между тем, такая концентрация на технологиях, технологичности и технологизации остаётся достаточно односторонней – безотносительно самой природы, перспектив и возможной критики этого явления. Программные и прогнозные документы органов государственной власти, ориентированные на технологическое развитие, полностью исключают из своего рассмотрения технологии, которые традиционно называют социальными – связанные не с воздействием на неодушевлённые объекты, а с воздействием на человеческое поведение, как индивидуальное, так и массовое [5–6]. Вопрос технологизации социальных интеракций не рассматривается и с использованием других терминов, будь то «методы», «способы», «методики» или «схемы»; когда эти интеракции упоминаются (применительно к образованию, государственному управлению), речь идёт не о их технологизации, а о достижении некоторых показателей безотносительно способов такого достижения.

Подобная односторонность характерна и для информационного пространства в целом, что иллюстрируется графиками на рис. 3, 4 и 5. На рис. 3 показана сравнительная частота использования словоформ «технологии», «социальные технологии», «образовательные технологии» и «управленческие технологии» (последние три словосочетания взяты в качестве наиболее распространённых вариантов использования слова «технология» применительно к социальным объектам). Как легко увидеть, в общем количестве упоминаний

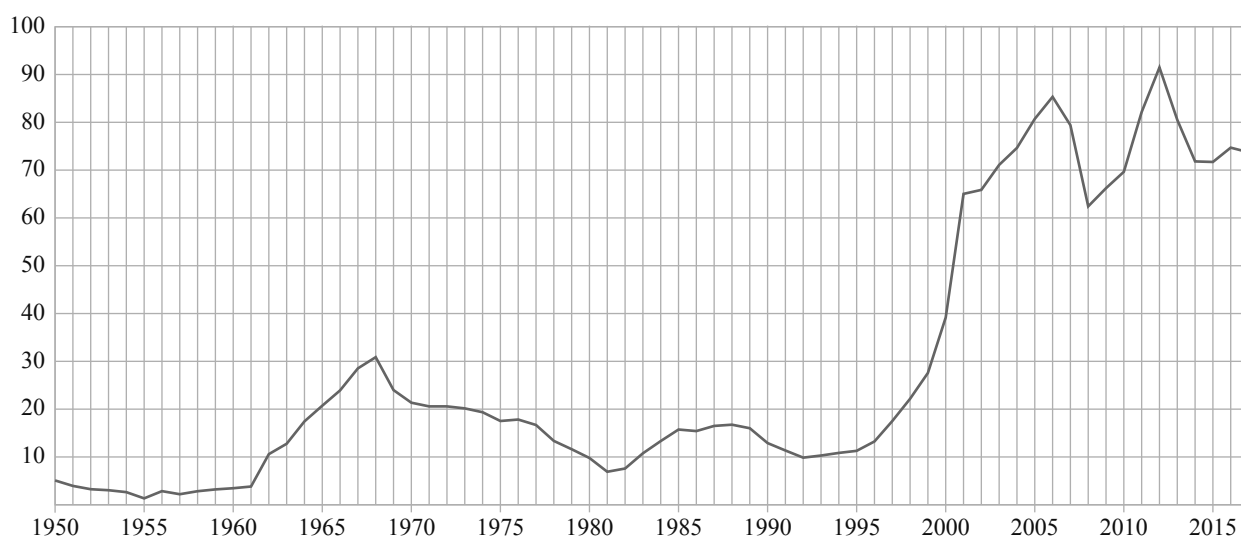
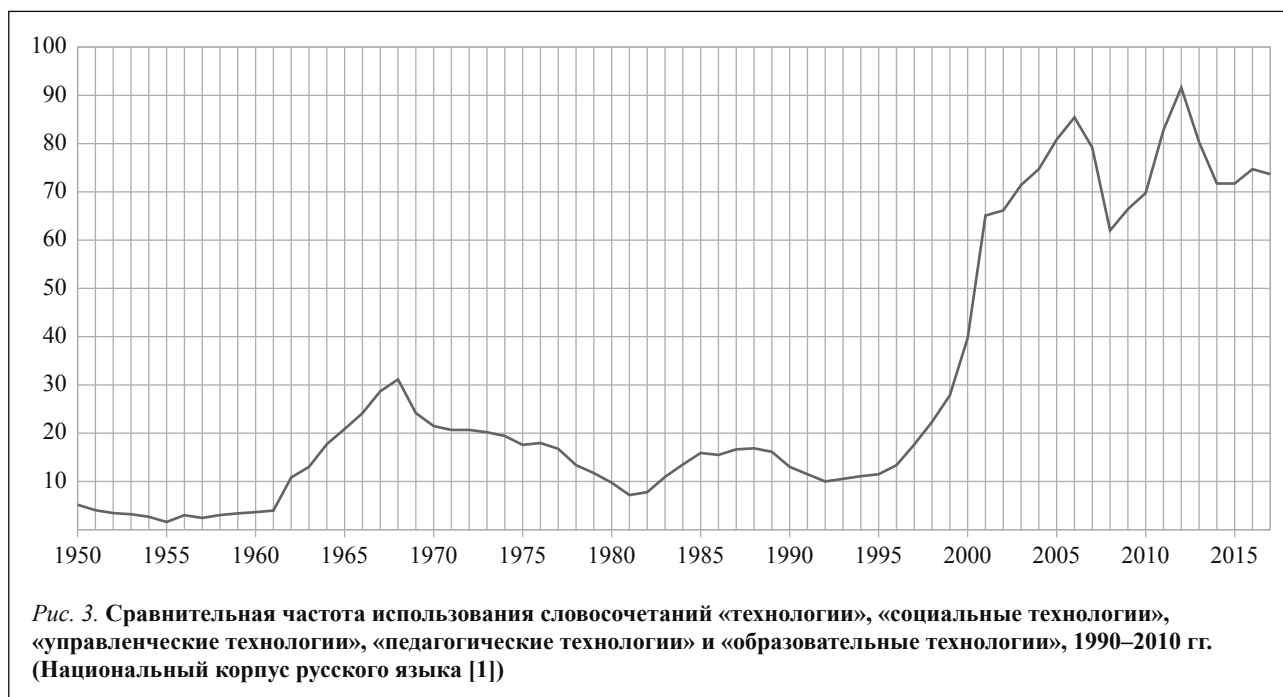

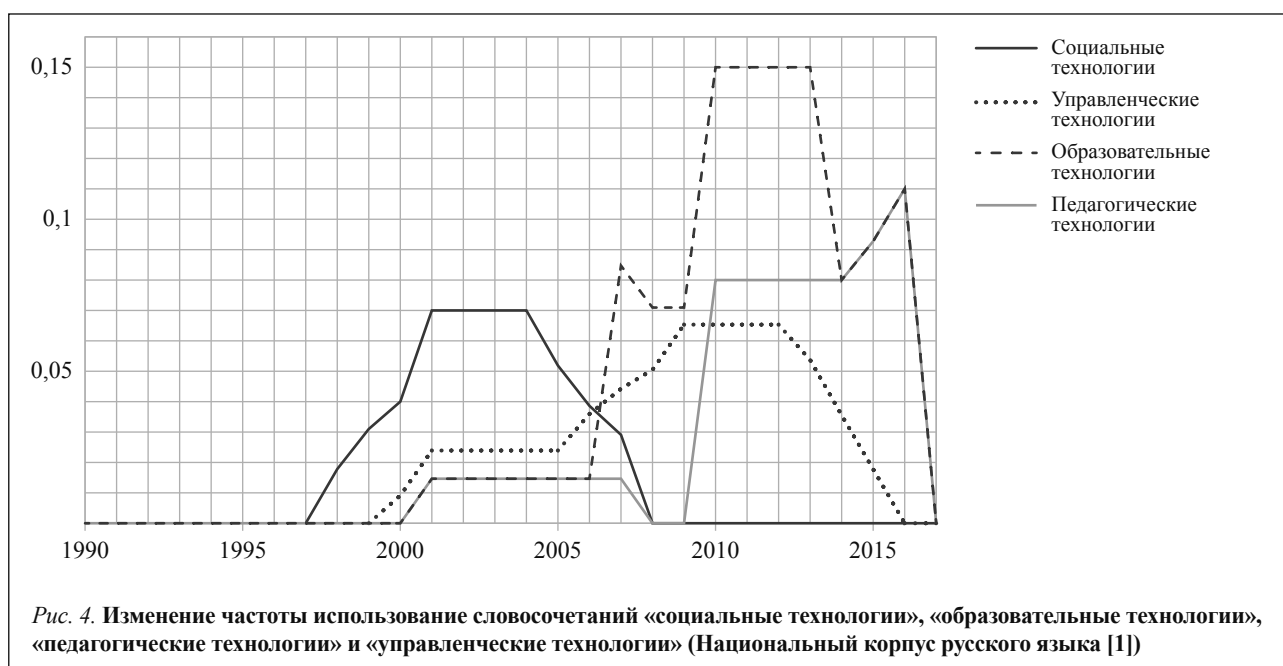
Рис. 2. Сравнительная частота упоминания технологий в единственном и во множественном числе, 1950–2017 гг.
Источник: Национальный корпус русского языка [1]

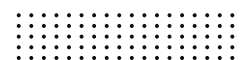

о технологиях социальные технологии занимают исчезающе малое место. Эта тенденция очень устойчива несмотря на то, что в целом взятые в качестве примера словосочетания используются на протяжении последних десятилетий всё чаще, как показано на рис. 4. Масштаб разрыва демонстрирует рис. 5 (стр. 198), где для сравнения взята сравнительная частота упоминания

в русскоязычных текстах наиболее популярных «тяжёлых» технологий (нанотехнологии, информационные технологии и биотехнологии) и наиболее популярных социальных технологий (соответственно, управленческие и образовательные технологии).

Даже предположительно высокий уровень популярности политических технологий не делает их кон-

Старцев Я. Ю.

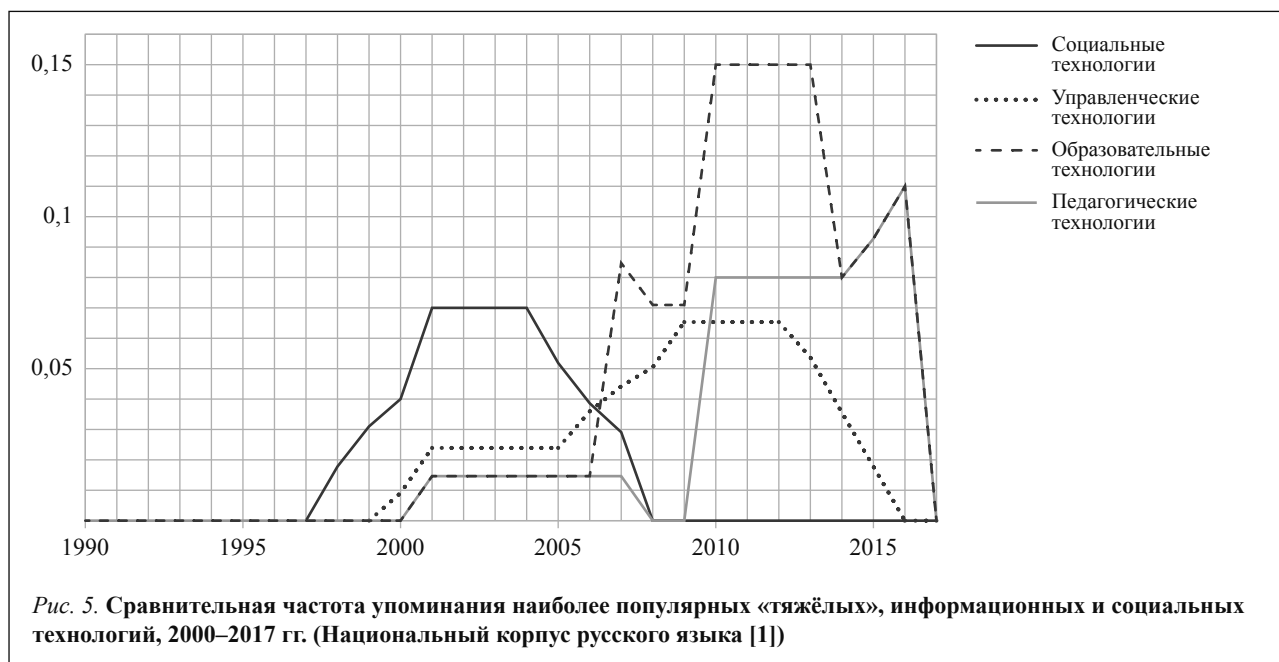

Рис. 5. Сравнительная частота упоминания наиболее популярных «тяжёлых», информационных и социальных технологий, 2000–2017 гг. (Национальный корпус русского языка [1])

курентоспособными в информационном пространстве: рис. 6 позволяет сравнить сравнительную частоту упоминания двух пар наиболее популярных «тяжёлых» и «лёгких» технологий.

Разумеется, столь низкий уровень внимания к социальным технологиям не означает сам по себе, что они не существуют либо не используются. Речь в данном случае может идти лишь о том, что «тяжёлые» технологии и социальные технологии воспринимаются и концептуализируются в рамках разных когнитивных моделей; в первую очередь это касается органов государственной власти, которые о социальных технологиях не говорят вовсе. Выявленные противоречия, характерные как для информационного пространства в целом, так и для государственных документов, посвящённых технологической проблематике в контексте стратегического планирования социально-экономического развития, позволяют сформулировать несколько проблем. Во-первых, это проблема правомерности объединения «тяжёлых» и «лёгких» (социальных) технологий в рамках одного феномена, — с учётом значения этого феномена для современного общества и того внимания, которое уделяется технологиям и технологизации в целом. Во-вторых, в зависимости от полученных результатов, это проблема специфики социальных технологий, буде таковая обнаружится, ингибирующей их концептуализацию наравне с «тяжёлыми» технологиями — и признание такой концептуализации как обществом в целом, так и органами государственной власти. Наконец, это проблема места социальных технологий в технологическом буме и в тех перспективах обще-

ственного развития, которые традиционно и последовательно связываются с «тяжёлыми» технологиями.

Если мы определим технологию как беслично воспроизводимую последовательность действий (операций) в отношении строго определённых объектов, дающую в итоге однотипный (в идеале — идентичный) продукт, то подобная формулировка будет в полной мере включать в это понятие традиционно понимаемые технологии, связанные с преобразованием неодушевлённых объектов, но также позволяет и проанализировать возможность включения социальных технологий. Вместе с тем, это рабочее определение позволит отличать технологию от таких родственных явлений и связанных с ними понятий как метод, методология, методика, способ, подход (указание на принципы, направления или действия без обязательной исчерпывающей характеристики каждого шага и обязательного акцента на воспроизводимости), либо алгоритм, план, схема, процедура (указание на последовательность действий любой степени детализированности, но без обязательного акцента на физическом исполнении и реализуемости). В идее технологии, таким образом, ключевыми, по сравнению с родственными концептами, являются представления о воспроизводимости, гарантированности ожидаемого результата, исчерпывающем и достаточном описании (или явно присутствующей возможности такого описания), практической реализуемости и апробированности.

Достаточно очевидно, что любая промышленная технология в полной мере уместается в предложенное значение термина. Поиск и характеристика соответ-

ствующих ему социальных технологий могут начаться с выявления исторических или современных примеров, явным образом охватываемых предложенным определением. Так, действительное существование педагогических технологий (и\или образовательных, безотносительно подразумеваемых различий и вариантов словоупотребления) означало бы, что мы можем найти достаточно убедительные примеры воспроизводимого образовательного результата, основанного на одной и той же фиксированной последовательности действий. Из рассмотрения, таким образом, сразу же исключаются уникальные авторские преподавательские методики, не воспроизводимые никем кроме самого автора и его ближайших учеников. Существование таких технологий, между тем, хорошо известно историкам образования: от педагогики иезуитов – до систем начального и среднего образования централизованных государств XIX–XX вв., будь то Пруссия, Франция или СССР. Уже сам масштаб названных систем говорит о технологичности в смысле тиражируемости и воспроизводимости; явная и часто мелочная централизация всех аспектов образовательного процесса этому немало способствовала (единая организация, школьное пространство, учебники, подготовка кадров – вплоть до жестов и интонаций у иезуитов). Оценить однородность получаемого образовательного продукта значительно сложнее, однако оценки специалистов говорят о том, что она была достаточно высока для того, чтобы говорить о воспроизводимости не только самой технологии, но и ожидаемого образовательного результата. Ещё более наглядные с точки зрения как массовости,

так и результативности примеры образовательных технологий дают методики военной муштры и в целом подготовки новобранцев, систематически используемые в европейском культурном пространстве как минимум с XVII века.

Аналогичным образом дело обстоит с управленческими технологиями. Так, конвейерная организация производства представляет собой не столько «тяжёлую» технологию, связанную с особой последовательностью и условиями обработки физических объектов, обладающих определёнными характеристиками (в этом смысле конвейер как таковой как раз не технологичен, поскольку принцип может быть в равной степени применён к выплавке стали и к выращиванию бройлеров, он недостаточно специализирован для промышленной технологии), сколько социальную технологию, связанную с особым распределением и организацией обязанностей, их выполнения и контроля. Ещё более очевидна технологичность правил делопроизводства, последовательности согласований и, в целом, разработки и выполнения решений в бюрократических организациях и т. д. В этом смысле достаточно парадоксально, что в рамках административной реформы Российское государство, как и многие другие, пытается осуществить именно технологическую революцию в государственном управлении, – однако не мыслит её и не систематизирует в общем ряду с прочими технологиями.

Дальнейшее продолжение этого иллюстративного перечня, вероятно, излишне: применительно ко всем видам социальной деятельности, так или иначе свя-

зываемых в общественном сознании с технологичностью, можно найти наглядные примеры соответствия предложенному выше определению. Кроме упомянутых сфер деятельности речь может идти о политических технологиях, технологиях психотерапии и психологической реабилитации, технологиях социальной работы, технологичности военной тактики и в целом военного дела, технологиях организации труда, технологиях маркетинга и рекламы и т. д., вплоть до технологий самоменеджмента. Вместе с тем, в каждой из этих областей существует невероятный объём нетехнологичного знания и практик, связанных с уникальностью, авторством (в смысле «авторской методики», «авторского подхода», отдельного изобретения), ситуативной детерминированностью – в целом, значительная часть деятельности не тиражируема, не гарантирует воспроизводимости идентичного результата и, следовательно, не технологична.

Таким образом, объединение «тяжёлых» (традиционно понимаемых, «железных») технологий и социальных технологий в рамках одного явления, внутренне целостного и однородного, вполне возможно и на категориальном уровне, и исходя из эмпирического наличия технологий обоих типов. Вместе с тем, неясность, а то и отсутствие такого объединения в современном информационном пространстве и в деятельности органов власти позволяет предположить, что, кроме очевидного давления традиционных представлений и традиционной терминологии, существуют какие-то особенности социальных технологий, препятствующие

их интеграции в единый общетехнологический концепт наряду с «тяжёлыми» технологиями.

Рис. 7 показывает примерное соотношение технологизации с наиболее распространёнными представлениями о структуре научного познания: заштрихованная область соответствует тем сферам знания, где технологический бум очевиден и общепризнан. Стрелками обозначено преобладающее в этом контексте направление дальнейшей технологизации: использование «тяжёлых» технологий в социо-гуманитарной сфере без систематического развития самих социальных технологий как таковых.

Поскольку технология в значительной степени определяется через тиражируемость, обязательным условием – или даже этапом – технологизации является формализация. Степень формализации, в свою очередь, определяется уровнем разработки однозначно интерпретируемых моделей (преимущественно каузальных) и измеримостью их параметров, зависящей от опять же однозначного определения счётных единиц. В социальных и гуманитарных науках существует устойчивое отставание и в той, и в другой области – тем большее, чем в большей степени их объектом является человеческое поведение, т. е. – действия в отношении других людей, а не производство и перемещение материальных объектов. Отчасти такое положение вещей связано с общей логикой развития научного знания, – и, с нашей точки зрения, говорит лишь о необходимости дополнительного внимания и поддержки в отношении социальных наук, которые смогут, таким образом, догнать по технологичности естественные и технические дисциплины. С другой стороны, – как недавно в очередной раз отметил президент РАН [7], – методы достаточно точного измерения промежуточных и результирующих параметров в процессе применения социальных технологий существуют; проблема в том, что они банально дороже аналогичных замеров в технической сфере, вопреки распространённым представлениям о более высокой себестоимости «тяжёлых» технологий с их дорогостоящим оборудованием и, в целом, материально-техническим обеспечением.

Получившая новый стимул благодаря вышеуказанному выступлению А. М. Сергеева дискуссия о Едином государственном экзамене как форме итоговой школьной аттестации хорошо иллюстрирует эту проблематику. Традиционный экзамен, представляющий собой вполне технологичный управляемый диалог экзаменатора и учащегося, позволяет обеспечить максимально достижимую на сегодняшний день точность в выявлении компетенций, владение которыми оценивается на экзамене, – с учётом индивидуальной вариативности, неизбежной в социальных взаимодействиях. Универсальная, стандартизованная и ориентированная на монологичность форма ЕГЭ, как ни парадоксально,

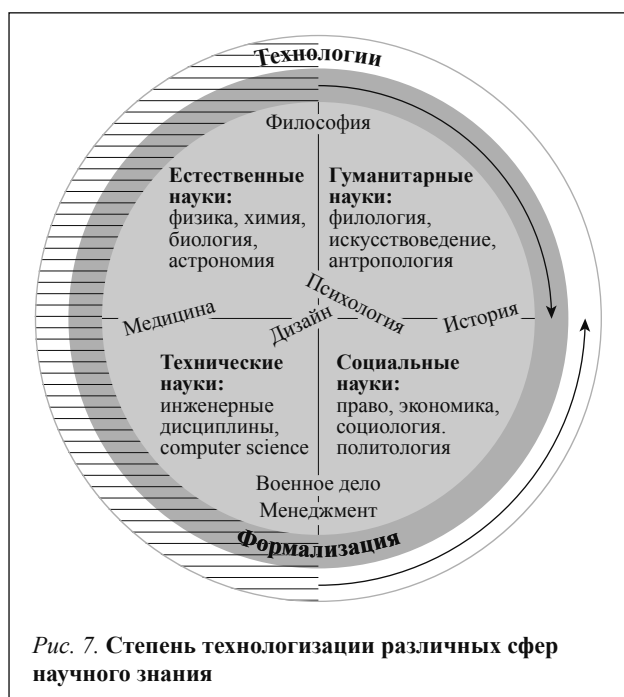

Рис. 7. Степень технологизации различных сфер научного знания

существенно снижает уровень точности за счёт возможных случайных ошибок или описок, подтасовок, необходимости соответствовать однозначным, но не заявленным заранее формулировкам КИМов ГИА. Причины парадокса, на наш взгляд, связаны с тем, что социальные взаимодействия по определению интерактивны, субъект-субъектны, в отличие от односторонних субъект-объектных воздействий, на которых строятся «тяжёлые» технологии. Эта характеристика сказывается как на внутренней логике и организации самой технологии (в данном случае – образовательной), так и на способах необходимых замеров, проверяющих соответствие отдельных этапов технологического цикла и полученного результата заявленным требованиям.

Использование максимально «технической», т. е. не соответствующей структуре и природе данной деятельности, методики контрольных замеров, на которую ориентирован ЕГЭ, создаёт видимость устранения интеракции – а фактически просто выносит её за рамки технологии, технологизируя не саму деятельность, а лишь те её проявления, которые поддаются измерению чуждыми для неё средствами. Металл, пластик или делящиеся клетки при выполнении «тяжёлых» технологий не стремятся обмануть измерительные устройства, подстроиться под их ожидания и не представляют одно и то же содержание в произвольно варьирующихся формах, тогда как для учащихся, наёмных работников, подопечных психолога, солдат-новобранцев и любых других адресатов социальных технологий такое поведение является массовым, сознательным, вполне естественным и неизбежным. Индивидуальный экзамен, а тем более – экзамен, принимаемый комиссией, – как раз такая процедура, которая интегрирует эти характеристики, учитывая их как часть потенциально технологического процесса, – но индивидуальный экзамен как технология, включающая подготовку экзаменаторов, контроль, обратную связь и пр. в масштабах страны значительно дороже ЕГЭ. Есть все основания полагать, что на сегодняшний день эта технология может считаться устаревшей, но очевидное направление развития предполагает разработку новых социальных технологий, а не замену социальных на механические. Аналогично, точная и достоверная диагностика управленческих процессов в организации квалифицированными экспертами, с последующей наладкой и контролем, ведёт к гораздо более существенным совокупным издержкам, чем формальный замер ключевых параметров, предусмотренных бухгалтерской отчётностью или требованиями ISO, – однако именно такова цена развития. Как и в случае с отдельными операциями или этапами реализации технологии, выстраивание и воспроизводство социального технологического цикла в целом оказы-

вается существенно сложнее технического аналога: роль автоматизации, столь привычной применительно к «тяжёлым» технологиям, в социальной сфере играет институционализация.

Следующая, наряду с низким уровнем формализации и сравнительно высокой стоимостью, особенность социальных технологий заключается в относительной произвольности определения объекта и результата технологического воздействия. Завод, производящий грабли, в качестве конечного продукта получает грабли, и именно на их производство нацелена технологическая линия, – с возможными промежуточными стадиями, на которых получают столь же однозначные полуфабрикаты. Продукт какого типа производит школа, или даже отдельный внутришкольный образовательный цикл: обладающую какими-то свойствами личность?.. носителя компетенций?.. сами компетенции?.. успеваемость?.. Как это сформулировал применительно к маркетингу Ф. Котлер, покупателю нужны свёрла или дырки?.. В зависимости от определения итогового продукта существенно меняются и сами технологии, и требования к ним. Ситуация с другими социальными технологиями аналогична: их существование и применение зависят от того, каким образом определён ожидаемый результат, сам по себе он не очевиден. В рамках классических «тяжёлых» технологий разработчик и производитель должны учитывать потребительские свойства производимого продукта, но не должны их самостоятельно конструировать; в случае с социальными технологиями без предварительного конструирования «потребительских свойств» (функционального назначения, сферы и способов применения) сама технология оказывается невозможной. Впрочем, производители массовых бытовых товаров вполне удачно сочетают «тяжёлые» технологии с самостоятельным конструированием спроса, показывая тем самым, что и подобное проектирование, и совмещение разнотипных технологий в рамках одного проекта вполне возможны. В свою очередь, многие исследования показывают, что успешное развитие и внедрение информационных систем обусловлено взаимосвязанным вниманием к обуславливающим их социальным системам и социальным технологиям [8].

Наконец, социальные технологии – или даже сама возможность технологизации в этой сфере, – часто сталкиваются с ценностно обусловленной критикой: технологии воздействия на людей и на их взаимоотношения воспринимаются как неэтичные, манипуляторские гораздо чаще, чем в случае с «тяжёлыми» или информационными технологиями, где эта проблематика давно маргинализована. Проблемы этики применительно к технологиям в общепотребимом смысле занимают свою традиционную нишу, не определяющую вектор их развития (за исключением, разве что,

Таблица 1. Сравнительная характеристика разных типов технологий

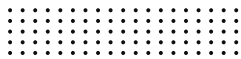
Характеристики	Тип технологий		
	«Тяжёлые» (физические, биологические и пр.) технологии	Информационные технологии	Социальные технологии
Объект воздействия	Материальные объекты и процессы	Данные (дискретно представленная информация)	Психические состояния и поведение
Воздействующий субъект (агент)	Любой (человек, группа, организация, программно-аппаратный комплекс)	Любой (человек, группа, организация, программно-аппаратный комплекс)	Обязательность соучастия того (тех), на кого направлено технологическое воздействие
Характер технологического воздействия	Односторонний (субъект $\Rightarrow$ объект)	Односторонний (субъект $\Rightarrow$ объект)	Двусторонний (субъект $\Leftrightarrow$ субъект)
Ключевые характеристики объекта	Критичная материалозависимость (требования к технологии определяются свойствами материала)	Критичная зависимость от формата (требования к технологии определяются форматом данных)	Критичная зависимость от вовлечённости объекта воздействия (требования к технологии определяются мотивами субъекта-адресата)
Форма правового регулирования (права на технологию)	Патенты	Патенты, авторские права на программы	—
Регулируемый способ распространения	Продажа патентов, прав, технологических линий и изделий	Продажа прав, программ, услуг и изделий	—

некоторых биотехнологий, когда их объектом становится человек); при любом обсуждении социальных технологий, напротив, проблемы этики – и, в целом, ценностный подход, – оказываются на одном из первых мест. Вместе с тем, проблема этичности технологического воздействия на человеческое поведение если не исчезает полностью, то занимает то же место, что и в случае с «тяжёлыми» или информационными технологиями, если учитывать фундаментальную характеристику социальных технологий: каждая из них представляет собой не столько технологию одностороннего воздействия на объект, сколько процесс межсубъектного взаимодействия. Воспитание, обучение или управление персоналом становятся этичными настолько же, насколько этична сельскохозяйственная селекция, производство смартфонов или разработка программного обеспечения как только мы определяем их через взаимосвязанные осознанные действия участников.

Следствием недостаточного учёта социальных технологий на уровне концептуализации и правового регулирования является отсутствие у них необходимого правового режима и, как следствие, правовая незащищённость, препятствующая тиражированию, генерированию прибыли и, в целом, использованию в качестве инструмента развития. С этой точки зрения мы можем выделить три типа технологий, по их объектам (таблица 1): «тяжёлые» или «железные» (объект – материал, защищено патентом), информационные (объект – информация, защищено законами о программах

и базах данных, авторских правах), социальные (объект – люди, ничем не защищено [9, ст. 1225]).

Необходимость дополнительного и системного внимания к социальным технологиям может быть аргументирована на нескольких уровнях. С точки зрения сугубо академического интереса и научной актуальности проблема прикладного использования социально-гуманитарного знания остаётся достаточно востребованной; между тем, для фундаментальных исследований в этой области необходимо как минимум определить их предмет (например, рассматривая социальные технологии как способ институционализации социальных практик), а для прикладных – правовое оформление социальных технологий как особого типа знания и как объекта интеллектуальной собственности. С точки зрения повседневных задач государственного управления всё более актуальной становится извечная, но традиционно недооцениваемая проблема реализации государственной политики: и состояние исследований в области государственного управления, и его международная практика показывают, что успех любых реформ, политик и текущих государственных дел определяется именно этим фактором. Деятельность государства по-прежнему остаётся рациональной и результативной настолько, насколько она технологична – тем больше оснований для определения правового, культурного и организационного статуса этих технологий.

Старцев Я. Ю.

Литература:

1. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 01.10.2018)
2. Послание Президента РФ к Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. [электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 01.09.2018)
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
4. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01 декабря 2016 года № 642. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
5. Дятченко Л. Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород: Центр социальных технологий, 1993. 343с.
6. Наука и социальные технологии / под ред. И. Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2011. 203 с.
7. Оценивать креатив. Президент РАН: От какого ЕГЭ надо отказаться // Российская газета – Столичный выпуск № 7533 (70).
8. Walsham G., Symons V., Waema T. Information systems as social systems: Implications for developing countries // Information Technology for Development. 1988. № 3. С. 189–204
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 года

№ 230-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

References:

1. National Corpus of the Russian language [e-resource]. URL: <http://ruscorpora.ru> (date of reference 01.10.2018)
2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 1 March 2018. [e-resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (date of reference 01.09.2018)
3. On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of 28 June 2014 № 172-FL. Access from ref.-legal system “ConsultantPlus”.
4. On the Strategy of the Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 01 December 2016 № 642. Access from ref.-legal system “ConsultantPlus”.
5. Dyatchenko L. Ya. Social technologies in the management of social processes. Belgorod: Center for Social Technologies, 1993. 343 p.
6. Science and social technology / ed. I. T. Kasavin. Moscow: IPh RAS, 2011. 203 p.
7. Evaluate the creative. President of the Russian Academy of Sciences: Which USE should be discarded // Rossiyskaya Gazeta – Capital Issue № 7533 (70).
8. Walsham G., Symons V., Waema T. // Information Technology for Development. 1988. № 3. P. 189–204.
9. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law of 18 December 2006 № 230-FL. Access from ref.-legal system “ConsultantPlus”.